

ПРЕДИСЛОВИЕ

Примерно в то время, когда я заканчивал работу над настоящей рукописью, в мои руки попала рецензия Джорджа Стайнера на книгу «Литературный путеводитель по Библии», изданную под редакцией Роберта Алтера и Фрэнка Кермоуда.¹ В этом глубоком и чрезвычайно интересном очерке² Стайнер резко критикует авторов «Литературного путеводителя» за то, что они не затрагивают в своем труде щекотливые и крайне неприятные богословские вопросы, которые возникают, когда речь заходит о христианском истолковании еврейских писаний:

«Авторы лишь мимоходом упоминают такие тексты, как Псалтырь и Второицаия, в которых ясно предвозвещаются служение Христа и его страдания. Как следствие, современный читатель с трудом понимает совершенно очевидную ненависть к иудеям, находящую отражение в Послании к Римлянам, – ненависть, выраженную и метафоризированную Павлом и, как подтверждает жизнь, приносящую свой смертоносный плод в наше время. Именно потому, что в Псалтыри и пророческих книгах Ветхого Завета мы находим столь яркие картины, предвозвещающие приход Иисуса, отвержение Христа иудеями, современниками Павла, воспринимается им как в высшей степени неразумное богохульство, как акт самоотрицания, с которого в истории человечества начинается бесконечный бег по кругу».

Это беглое упоминание об апостоле Павле нельзя обойти молчанием. Если такой сведущий литературный критик, как Стайнер, столь заблуждается относительно Павла и доводов, приводимых им в Послании к Римлянам, то, наверное, необходимость в осмыслении Павловых тек-

¹ Robert Alter and Frank Kermode, eds., *The Literary Guide to the Bible* (Cambridge: Harvard University Press, 1987).

² “The Good Books,” *The New Yorker* (January 11, 1988), 94-98, цитата на с. 97.

тов, попытку которого я предпринимаю на страницах этой книги, более острая, чем я полагал, когда начал писать книгу.

«Ненависть к иудеям»? Как сказал бы Павел: *μή γένοιτο* (ни в коем случае)! В этой книге я стремлюсь показать, что иудей Павел до конца своей жизни был движим горячим желанием свидетельствовать о том, что Бог *не* оставил Израиля. Кроме того, пророческо-христологическое толкование Псалтыри и пророков, которое, по убеждению Стайнера, столь ярко отражено в Павловых текстах, в действительности играет лишь незначительную роль в его толкованиях Писаний Израиля. Словом, хотя замечания Стайнера в некоторой степени справедливы, если речь идет о Евангелии от Матфея и Евангелии от Иоанна, они дают чрезвычайно искаженное представление о текстах Павла. Если же мы говорим о «смертоносном плоде», порожденном христианской традицией в нашем столетии, то нам следует признать: плод этот вырос на почве, ставшей плодородной благодаря превратному пониманию представления Павла об эсхатологическом примирении. По его мнению (более всего это видно в Послании к Римлянам) Бог намерен охватить своей безмерной и необыкновенной милостью как иудеев, так и язычников.

Если мы хотим получить детальное представление о богословской позиции Павла относительно его родного народа и священных текстов Израиля, то должны вести с апостолом диалог на том языке, на котором говорил он. Мы будем следовать его толкованиям текстов, в которых он слышал глас слова Божьего. Таким образом, основным мотивом моего исследования является вопрос: как Павел интерпретировал Писания Израиля? Чтобы рассматривать этот вопрос в верном историческом ракурсе, читатель должен принять во внимание ряд важных предпосылок.

Во-первых, послания Павла – первые из новозаветных писаний. Однако это обстоятельство несколько затушевывается расположением книг в каноне НЗ. Все послания были разосланы как пастырские письма в те или иные церкви, прежде чем было составлено первое каноническое Евангелие. Поэтому слово «евангелие» в этой книге употребляется, как правило, в том смысле, в каком употреблял его сам Павел, – как указание на содержание раннехристианской проповеди, а не как обозначение определенных повествовательных текстов.

С этим первым обстоятельством логически связано второе: поскольку Павел писал в то время, когда еще не было НЗ, не было собрания христианских текстов, признаваемых всеми верующими как авторитетные, для него Писанием были тексты, составлявшие священные писания Израиля, которые впоследствии у христиан стали именоваться Ветхим Заветом. Сам Павел никогда так не называл эти писания. Писание, которое он знал как фарисей, оставалось для него Писанием и после того,

как он был призван возвещать евангелие распятого Мессии, и он не мог предполагать, что оно будет дополнено НЗ. Поэтому, пользуясь термином «Писание» в этой книге, я обычно употребляю его в том значении, в каком употреблял его сам Павел, – как указание на Библию еврейского народа (в христианской терминологии – ВЗ).

Однако было бы ошибкой называть это Писание «еврейской Библией», потому что для Павла язык написания не был столь важен. Как правило, цитируя Писание, он следует Септуагинте (LXX), греческому переводу еврейской Библии, датируемому вторым или третьим столетием до Р. Х., который широко использовался в эллинистических синагогах при жизни Павла. В редких случаях цитаты Павла согласуются с еврейским масоретским текстом (МТ) вопреки LXX. Те немногие случаи, когда цитаты явно согласуются с еврейским текстом, могут свидетельствовать о различных текстуальных формах LXX, которые подверглись «гебраизирующим ре-визиям», что является тенденцией, представленной в других местах греческими версиями Акилы, Симмаха и Феодотиона (научные рассуждения о библейском тексте, которым пользовался Павел, можно найти в фундаментальном исследовании Dietrich-Alex Koch, *Die Schrift als Zeuge des Evangeliums: Untersuchungen zur Verwendung und zum Verständnis der Schrift bei Paulus*).³ Судя по всему, Павел, чья миссионерская деятельность проходила преимущественно в языческих собраниях Малой Азии и Греции, обычно читал и цитировал Писание на греческом, который в его время был языком международного общения в восточной части империи.

В этой книге LXX цитируется по греческому тексту *Septuaginta* Альфреда Ральфса.⁴ Переводы отрывков из LXX выполнены мною. Также, переводы процитированных отрывков из НЗ, кроме особо оговоренных случаев, – мои собственные, хотя в целом я старался не отступать от текста Исправленной стандартной версии (RSV), если только не было особой на то причины. Курсив в библейских отрывках мой, если не указано иначе. Сокращения в сносках приводятся по системе, изложенной в *Журнале библейской литературы* 107 (1988):588-96. Аббревиатуры названий журналов выделены в тексте курсивом; аббревиатуры названий монографических серий набраны латиницей.

В этой книге я исследую вопросы иного плана, нежели те, что обычно рассматриваются в рамках исторической критики посланий Павла. Моя задача заключается не в воссоздании исторической обстановки в церквях, которым Павел адресовал свои послания, не в создании гипотетических

³ Dietrich-Alex Koch, *Die Schrift als Zeuge des Evangeliums: Untersuchungen zur Verwendung und zum Verständnis der Schrift bei Paulus* (BHT 69; Tübingen: J. C. B. Mohr, Paul Siebeck, 1986).

⁴ Alfred Rahlfs, ed., *Septuaginta* (Stuttgart: Deutsche Bibelstiftung, 1935).

портретов противников, с которыми вел прения Павел, а в чтении посланий как литературных текстов, сформировавшихся под влиянием сложных интертекстуальных связей с Писанием. Такой подход в принципе не исключает использования других подходов, которые помогают понять социальный контекст Павловых общин либо исторические обстоятельства, в которых создавались послания; и действительно, без таких исторических исследований всестороннее понимание текстов невозможно. Сведущий читатель заметит, что в своем исследовании я опираюсь на достижения историко-критической школы. Тем не менее, ради эвристических целей я пользуюсь набором аналитических инструментов, отличающихся от тех, которыми обычно оперируют исследователи текстов Павла. Я поступаю так отчасти потому, что феномен интертекстуальных отголосков интересен мне сам по себе, а отчасти – поскольку полагаю, что «слуховой аппарат» литературного критика может помочь раскрыть важные элементы мысли Павла, которые не были приняты во внимание теми, кто руководствуется другими критическими методами.

Выводы, к которым я прихожу, иногда противоречат устоявшимся историческим гипотезам. Например, если структура и логика тщательно продуманного противопоставления служения Моисея служению Павла в 2 Кор. 3 могут быть объяснены поэтическим использованием стилистической фигуры несходства, нет необходимости снимать внутренние противоречия в тексте предположением, будто Павел, составляя мидраш на Исх. 34, пользовался неким имевшимся в его распоряжении источником. Моя литературная трактовка не опровергает исторических реконструкций, к которым прибегали более ранние толкователи, но подразумевает, что эти реконструкции представляют собой гипотетические попытки объяснить определенные сложности или расхождения в тексте, допускающие различное понимание.

Тем не менее, я хотел бы подчеркнуть, что моя трактовка текстов Павла на страницах этой книги не является антиисторичной. Заостряя внимание на интертекстуальности в том смысле, в каком я определяю это понятие здесь, я считаю себя обязанным учитывать вопросы диахронии. В предлагаемых мною трактовках текстов Павла апостол предстает перед нами в контексте своего времени как иудеохристианин первого столетия, стремящийся герменевтически согласовать свои убеждения со своим иудейским наследием. Подобная трактовка текстов Павла имеет смысл с исторической точки зрения; кроме того, я надеюсь, что она будет способствовать более точному пониманию места, которое занимает Павел среди иудейских и христианских сообществ, находившихся на стадии становления в середине первого столетия.

Также интертекстуальный подход к текстам Павла может оказаться плодотворным в богословском отношении. Проблемы отношений между иудаизмом и христианством, роль церкви как толковательного сообщества, а также наличие свобод и ограничений, имевших силу в этом сообществе, оказываются в центре внимания благодаря вопросам, которые я поднимаю здесь в связи с посланиями Павла. Если эта книга будет способствовать плодотворному обсуждению данных проблем, это будет означать, что я достиг одной из поставленных задач.

Таким образом, цель данного исследования состоит в том, чтобы рассмотреть ряд избранных отрывков из посланий Павла, внимательно вслушиваясь в библейские отголоски, звучащие в них. Это не всестороннее исследование того, как Павел использует Писание, и не литературоведческий очерк; скорее, это попытка составить некоторое представление о комплексе смыслов, порожденных репрезентативной выборкой примеров Павловой интертекстуальной рефлексии. В первой главе очерчен подход к интерпретации отголосков Писания в текстах Павла и показаны его преимущества по сравнению с другими подходами, предложенными ранее.

Во второй главе внимание сосредоточено на интерпретации интертекстуальных отголосков в Послании к Римлянам – письме, которое более всего насыщено цитатами из ВЗ. Центральный вопрос Послания к Римлянам – вопрос верности Бога Израилю: если необрезанные язычники присоединились к народу Божьему, означает ли это, что Бог несправедливо и произвольно отказался от обетований завета с Израилем? Неужели слово Божье не сбылось? Павел, опираясь на Писание, отвечает на эти вопросы тщательно выстроенными доводами, логика которых и выводы, которые из них следуют, рассматриваются в этой главе.

Одно из заключений, предложенных во второй главе, состоит в том, что Павел использует Писание в Послании к Римлянам прежде всего для обоснования определенного представления о церкви. Этот тезис получает развитие в третьей главе, где анализируется ряд других отрывков, в которых Павел утверждает, что церковь как сообщество предвозвещается в Писании. Поскольку Павел усматривает исполнение пророчества прежде всего не в событиях жизни Иисуса (как Матфей), а в собирании Богом церкви, состоящей как из иудеев, так и язычников, его герменевтика скорее экклезиоцентрична, чем христоцентрична. В связи с этим рассматривается значение данного тезиса для интерпретации основных текстов, где прослеживаются интертекстуальные связи, например, текстов Первого Послания к Коринфянам и Послания к Галатам.

В четвертой главе рассматривается вопрос о существовании у Павла особой герменевтической стратегии, которой он руководствовался,

подвергая переосмыслению тексты Писания. Вопрос этот решается путем рассмотрения текста 2 Кор. 3, 1 – 4, 6, где говорится о букве и Духе и где Павел не только пользуется Писанием аллегорично, но и рассуждает о просвещении, которое люди нового завета обрели в Писании Духом Святым. Здесь более явно, чем в текстах, рассмотренных в предшествующих главах, Павел развивает тезис о том, что истинный смысл Писания раскрывается в преображенной жизни членов христианского сообщества.

Наконец, в пятой главе подытоживаются результаты и суммируются выводы исследований предыдущих глав. На основании сделанных выводов я предлагаю некоторые соображения относительно герменевтических следствий толкования Павловых текстов. Павел ссылался на тексты Писания с поэтической свободой, и это могло повлечь за собой неоднозначную реакцию у членов тех сообществ, где тексты самого Павла приобрели статус Писания, и вызывать у таковых серьезные вопросы. Если слово живо в устах и в сердцах членов христианского сообщества, то оно тем более должно истолковываться верно.

Отдельные отрывки из второй главы данной книги были изначально опубликованы в различных журналах. Некоторые разделы моей статьи “Have We Found Abraham to Be Our Forefather according to the Flesh?: A Reconsideration of Rom. 4:1” («Пришли ли мы к заключению о том, что Авраам – наш отец по плоти? Еще раз о Рим. 4, 1»), первоначально вышедшей в *Novum Testamentum* 27 (1985):76-98, были несколько переработаны и включены в данное издание. Я также включил переработанный и дополненный раздел своей статьи “Relations Natural and Unnatural: A Response to John Boswell’s Exegesis of Romans 1” («Отношения естественные и неестественные. Оценка экзегезы Послания к Римлянам 1 Джона Босвелла»), первоначально вышедшей в *Journal of Religious Ethics* 14, no. 1 (1986):184-215. Кроме того, я использовал в книге краткие выдержки из своей статьи “Psalm 143 and the Logic of Romans 3” («Пс. 142 и логика Рим. 3»), первоначально напечатанной в *Journal of Biblical Literature* 99 (1980):107-15. Я благодарен редакторам этих научных журналов за разрешение перепечатать упомянутые материалы. Я также благодарен издательству Калифорнийского университета за разрешение привести в книге первые две и последние двенадцать строк стихотворения Джона Холландера “The Widener Burying-Ground” («Уайденовское кладбище»), первоначально изданного в книге “The Figure of Echo” («Отголосок как стилистическая фигура»).

Подчеркивая герменевтическую роль сообщества, я считаю необходимым признать важный вклад, внесенный в написание книги, многими моими коллегами, друзьями и студентами. Особо я хотел бы поблагодарить Бреварда Чайлдса и Уэйна Микса за их конструктивную критику, поддержку, которую они оказывали, и советы, которые они давали мне,

когда я вынашивал планы написания этой книги. Джон Огастин, Гил Греггс, Стив Крафтчик, Реджина Планкетт и Барри Селтсер прочитали основные разделы рукописи и задали ряд вопросов, которые помогли мне яснее сформировать свои рассуждения и доводы. Законченная рукопись была внимательно прочитана Дж. Луисом Мартином и Элинор Кук (рецензентами издательства Йельского университета) и Дженной Джексон, которые дали ценные редакторские замечания. Благодаря тщательно выполненной работе Карла Розена, редактировавшего рукопись, многие идеи в тексте приобрели большую аргументированность и ясность. Указатели были грамотно составлены Реджиной Планкетт; для выполнения этой работы Фонд содействия научным исследованиям Йельской богословской семинарии выделил специальный грант.

За высказанные замечания я также хотел бы поблагодарить следующих людей: Э. К. М. Адама, Уильяма Бердсли, Джули Кэлхаун-Брайент, Беверли Гавенту, Роузну Грира, Питера Хокинза, Джуди Хейз, Джона Холландера, Тимоти Джексона, Люка Джонсона, Джорджа Линдбека, Дэвида Лалла, Герберта Маркса, Стивена Мура, Бернарда Брэндона Скотта, Маргарет Уимсетт и Бена Уизерингтона. Читая эту книгу, можно услышать отголоски тех мудрых слов, которыми они в свое время поделились с автором, но сам автор не всегда может точно сказать, кто и когда вдохновил его. Перечитывая имена моих друзей, я с благодарностью вспоминаю о радостных и назидательных беседах с ними. Не имею возможности перечислить здесь имена всех своих студентов Йельской школы богословия, которые также внесли большой вклад в этот труд, высказав многие ценные мысли и задав мне множество глубоких вопросов. Тем самым они помогли мне оставаться беспристрастным в понимании того, как Павел истолковывает Писание.

Наконец, хотел бы отметить, что свидетелями моих мук творчества были моя жена Джуди и мои дети Крис и Сара; они проявляли при этом качество характера, которое Павел называет *μακροθυμία* – неизменным долготерпением. Их чувство юмора спасало меня от завышенного самомнения и возвращало к реальности, а их любовь воодушевляла меня. Их присутствие постоянно напоминало мне о простой истине, которую высказала в письме моя студентка Сьюзен Карли: «В конце концов, что пользы в герменевтике, если у вас нет жизни?» Возможно, эти слова наилучшим образом выражают смысл текста 2 Кор. 3, 1-6.